

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.73.5>

**ФОРМИРОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА
«КУПОЛ»**

Научная статья

Полякова Н.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-4846-1645;

¹ Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (polyana0105[at]yandex.ru)

Аннотация

Целью статьи является исследование формирования в романе А. Варламова «Купол» альтернативного культурного пространства — литературного феномена, не включенного в официальную культуру тоталитарного периода российской истории. К таким явлениям относятся литература самиздата, авторская песня, западные «радиоголоса», студенческая субкультура, подпольные концерты рок-музыки. В статье рассматривается антитеза «провинция — столица», представленная в романе, а также анализируется воссозданный в нем образ времени — советский и позднесоветский периоды в истории нашей страны. Основными методами исследования являются сравнительно-исторический и структурный. В результате проведенного исследования удалось установить, что, показывая принадлежность героев к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, автор формирует в произведении особое — альтернативное — культурное пространство.

Ключевые слова: культурное пространство, альтернативное культурное пространство, советская культура, самиздат, субкультура.

THE DEVELOPMENT OF AN ALTERNATIVE CULTURAL SPACE IN A. VARLAMOV'S NOVEL 'THE DOME'

Research article

Polyakova N.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-4846-1645;

¹ Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

* Corresponding author (polyana0105[at]yandex.ru)

Abstract

The aim of this article is to examine the development of an alternative cultural space in Alexander Varlamov's novel 'The Dome' — a literary phenomenon that was not part of the official culture of the totalitarian period in Russian history. Such phenomena include samizdat literature, author's songs, Western 'radio voices,' student subculture, and underground rock concerts. The paper discusses the antithesis of 'province — capital' presented in the novel and analyses the image of time recreated in it — the Soviet and late Soviet periods in the history of our country. The main research methods are comparative-historical and structural. As a result of the research, it was established that by showing the characters' affiliation with forms of culture other than those officially permitted and controlled by the state, the author creates a special — alternative — cultural space in the work.

Keywords: cultural space, alternative cultural space, Soviet culture, samizdat, subculture.

Введение

Термин «культурное пространство» является относительно новым для филологической науки и в большей степени применяется в социологии, культурологии и философии: «Художественная картина мира эпохи, трансформированная в уникальную картину восприятия мира конкретного Художника, визуализированную символами-образами в художественном тексте и интерпретируемую реципиентом, составляет культурное пространство художественного текста» [3, С. 40]. Под культурным пространством понимается тот ареал, в котором протекает жизнь культуры. Это социокультурная область, образующаяся и существующая в неразрывной связи с определенной системой ценностей и идеалов, влияние которой распространяется на различные формы творческой деятельности людей. Культурное пространство — это необходимое условие существования, развития, функционирования различных культурных форм. В культурных формах выражается, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни в каждый конкретный исторический период.

Культурное пространство советского периода истории нашей страны представляет собой явление противоречивое и дисгармоничное, поскольку наряду с доминирующей официальной, идеологизированной культурой в нем существовала и альтернативная система ценностей. Она представлена, с одной стороны, произведениями «высокой культуры», зачастую не имеющими ничего общего с официально «разрешенными», а с другой — явлениями прямо противопоставленными советскому «официозу». Духовная культура советского периода — это и официально признанная «разрешенная» культура, и противопоставленная советскому «официозу» культура оппозиции, то есть альтернативная советской культурной модели художественная картина с ее устойчивым кругом образов и мотивов, формирующих иной образ культурного пространства. Эта «альтернативная» культурная модель сформировала особое

«альтернативное культурное пространство». Понятие «альтернативное культурное пространство» научно обосновано в работах С. В. Бурдиной, Б. В. Кондакова, Н. А. Поляковой [2, С. 459–476].

Основная часть

Хотя с точки зрения «большой литературы» художественная ценность романа Алексея Варламова «Купол» представляется весьма спорной, тем не менее в нем достаточно ярко представлено «альтернативное культурное пространство» эпохи. Действие разворачивается во время так называемого «застоя» позднего советского периода. Метафора застоя обыгрывается на страницах произведения многократно, проходя через него лейтмотивом: «трясины, сонное царство, и порой суеверный страх их охватывал: а вдруг вся империя — такое же клюквенное болото...» [1, С. 12], «проклятое место, обманчивое своей приветливостью, как обманчива трясины» [1, С. 33]. Провинциальный городок Чагодай является у Варламова собирательным образом всей позднесоветской империи: «что бы ни происходило со страной, какие только виражи ни выделяла она — всегда жил Чагодай одним: служил той власти, что на дворе стояла» [1, С. 34].

Главный герой, от лица которого ведется рассказ, после унижения, испытанного от учительницы, едва не погибнув, перерождается. Жаждя мщения становится толчком к пробуждению у него необыкновенных математических способностей. Благодаря своим поразительным успехам в математике Никита приглашен учиться в Москву. Но пережитая в подростковом возрасте психологическая травма не отпускает его: «В интернате было много чудных, не от мира сего учеников. Иные и впрямь страдали душевными расстройствами, но среди них я был едва ли не самым странным» [1, С. 33]. Герой часто ловит себя на том, что разговаривает вслух сам с собой, не замечая ничего вокруг, и снова, как в детстве, уходит из реальности в иное бытие, возвращение из которого причиняет ему боль. Чагодайская «трясины», соединяясь в его сознании с пережитым потрясением, при возвращении в реальный мир властно напоминает о себе. Отныне провинциальное «болото» и страх перед унижением прочно взаимосвязаны в сознании героя, отражаясь и на его отношениях со сверстниками, и на мировосприятии в целом. Даже в новой для него московской действительности Никита не способен самостоятельно выбраться из затянувшей его «трясины». В письмах отца на жалобы сына говорится: «Нет ничего страшнее русской провинции, ее лакейства и барства. Судьба дала тебе шанс вырваться» [1, С. 35]. В этом биографическом дискурсе прослеживаются «излюбленные у Варламова жанровые черты романа воспитания» [6, С. 159].

«Страшный» мир русской провинции — традиционная для отечественной литературы тема, разрабатываемая А. Чеховым, И. Буниным, М. Горьким. А. Варламов, следуя этой традиции, также показывает провинциальный мир замкнутым, ограниченным, деструктивным, деформирующим человеческую личность: «Ах, Чагодай, Чагодай, лакейская душа России, покорная, бабская, готовая отиться вся кому, кто силен и властен! Нигде не бывает такой жуткой и мелочной тирании, как в наших милых провинциальных городах, и нигде невозможно так легко изничтожить личность, если только иметь к этому вкус и волю» [1, С. 38]. При этом провинциальный городок Чагодай, родина главного героя, в романе отчетливо противопоставлен Москве, куда герой приезжает учиться в университете. Подобное противопоставление провинции и столицы также характерно для русской литературы и в её современном периоде встречается, например, в романе Е. Попова «Подлинная история «зеленых музыкантов». Однако Е. Попов, в отличие от А. Варламова, выступает апологетом русской провинции: город на «великой сибирской реке» в его произведении является носителем всего подлинно живого и талантливого, а официальная Москва эту живую и самобытную провинциальную культуру подавляет и в итоге губит.

В романе «Купол» автор смещает эти акценты: именно провинция губит зачатки таланта, Москва же активно способствует его развитию. В университете на главного героя огромное впечатление производит преподаватель математики Евсей Наумович, который «...вел очень странные семинары. Вместо теорем он разбирал токкаты Баха. Иногда целое занятие рассуждал о живописи Брубеля и поэзии Пастернака, а то гонял нас в библиотеку и заставлял изучать лингвистику и поэтику. Учил искать соответствия между математикой и музыкой и отсутствие слуха считал самым кошмарным человеческим недостатком и синонимом бездарности» [1, С. 24]. На своих лекциях Евсей Наумович утверждал, что математика стоит к искусству гораздо ближе, чем к науке, и любой по-настоящему великий художник или поэт — это шагнувший за рамки математик, в то время как каждый математик всего-навсего неудавшийся поэт или музыкант. Способность «шагнуть за рамки» формируется у Никиты именно на лекциях Евселя Наумовича: «...Мне казалось, он учил нас не высшей математике, а несуществующей, еще не открытой и ему одному ведомой науке, находящейся даже не на стыке разных областей знания, а у самой границы познаваемого мира с тем, чтобы эту границу взломать и незаконно пересечь» [1, С. 25]. Первые шаги «за рамки», «за границы» становятся для главного героя проникновением в иную, альтернативную, культурную среду.

Влияние преподавателя математики некоторое время соперничает в сознании героя с влиянием прагматичного и «земного» отца, чья власть над сыном продолжается посредством писем. Это также выглядит как соперничество провинции и столицы. И в этом противостоянии в конце концов победу одерживает Москва. Говоря о преподавателе математики, герой признается: «Но никто не имел надо мною столько власти» [1, С. 59]. Следующим этапом в «освоении» нового культурного пространства становится для Никиты чтение запрещенной в то время самиздатовской литературы и в целом знакомство с андеграундной культурой: «..я принялся читать слепые самиздатовские распечатки, встречаться с такими же ушибленными людьми, ходить в мастерские скульпторов и художников, на подпольные концерты рок-музыки, что проводились в общежитиях на окраине Москвы, и мне даже в голову не могло прийти, что такие вещи в наше время возможны» [1, С. 28]. Герои романа, московские студенты, собирались на квартирах в подмосковных поселках, ездили в академгородки, много рассуждали о современности, передавали слухи, с том числе политические — словом, занимались всем тем, что не приветствовалось официальной властью. Так реализовывалась их потребность в «кулуарной» культуре, свободной от контроля со стороны государства. В завершение своего выхода «за рамки» Никита совершает весьма рискованный и смелый для того времени поступок, свидетельствующий о

достаточном уровне его внутренней свободы: «...я сжег позорную красную книжицу члена ВЛКСМ, всю испещренную разными по степени яркости штампиками со словом «уплощено» [1, С. 37].

В романе А. Варламова представлен яркий образ времени. Это советский и позднесоветский периоды в истории нашей страны, характерные приметы и детали которых воссозданы в произведении: «...я все время недоумевал: каким образом директор сельской школы так скоро узнал о моей предыстории? Ведь не мог же он послать ночью запрос — куда? в рено? в КГБ? в райком партии? — и получить ответ, что в его школу пытается прокрасться злостный антисоветчик» [1, С. 35]. Получив такую репутацию, по возвращении в Чагодай герой с уникальными математическими способностями смог устроиться на работу лишь грузчиком на картонажной фабрике. Принадлежность Никиты к поколению «грузчиков и истопников» со всей очевидностью делает его «героем своего времени». Еще одной приметой советской действительности являются так называемые «вражеские голоса», жадный интерес к которым усиливается в эпоху «железного занавеса»: как и его отец, шестидесятник, ночами тайком ловивший в эфире Би-би-си, Никита «...в эти бессонные часы в притихшем гулком доме слушал «голоса», которые здесь ловились гораздо лучше, чем в Москве» [1, С. 45] (выделено нами — Н. П.). Главная характеристика времени в романе — отсутствие свободы и, как следствие, тоска по ней: «...я уже чувствовал дыхание свободы и видел себя среди тех, кто шел в миллионной толпе по Садовому кольцу, крича изо всех сил: «Да-лой-ка-пэ-эсес, да-лой-ка-пэ-эсес!» [1, С. 25]. Выходы на Красную площадь, «квартирники», самиздат, обыски с целью найти запрещенную литературу (книги Б. Пастернака) — таким предстаёт в романе А. Варламова альтернативное культурное пространство в период «застойного» несвободного времени. Еще одной приметой этого времени является постоянный неизбытный страх. Герои романа стыдятся этого чувства, в котором не признаются даже самим себе, и время от времени пытаются его преодолеть. Такой попыткой становится спетая во время обыска песня А. Галича: «...сделали это для того, чтобы не было страха» [1, С. 25]. Страх страха — так можно назвать ощущение своего времени, переживаемое главным героям и его современниками.

Однако долгожданное «дыхание свободы» сталкивается в развитии сюжета с более привычным для того времени явлением, а именно с повсеместным «рабством»: «рабство продолжалось, и не было этому рабству конца» [1, С. 75]. Именно антитеза «свобода — рабство» лежит в основе главного конфликта произведения, основной трагизм которого состоит в том, что стремление к свободе так и остается нереализованным: «Я часто размышлял, что у меня в крови явно не хватает того, что называется свободой, а точнее, волей. Всю жизнь я чувствовал себя кому-то подотчетным и каждое действие соотносил с тем, что можно и что нельзя» [1, С. 76]. Разочарование от несбытий ожиданий характерно не только для главного героя — оно типично для его поколения в целом, недаром Никита «грустил о бессмыслиности освободительного движения в моей стране» [1, С. 77].

Давление от вездесущего контроля и запрета вызывает у героя последнее безнадежное желание: «хотелось одного — вырваться из-под колпака» [1, С. 78]. В этом смысле название романа при всей его многозначности имеет чёткую смысловую доминанту: купол — «колпак» тотального контроля государственной власти над отдельной человеческой личностью и обществом в целом, «той слепой силы, которая ломает и унижает человека, низводя его на уровень животной твари» [1, С. 79].

Заключение

Итак, в романе А. Варламова «Купол» наряду с достоверным историческим контекстом представлено альтернативное культурное пространство, противопоставившее несвободному «духу» времени стремление к свободной самореализации талантливой личности главного героя. Эта «альтернативная» советскому «официозу» культура представлена в романе определенным кругом образов и мотивов. Интерес к иным формам культуры, кроме официально разрешенной и подконтрольной государству, является лейтмотивом произведения. В результате автор формирует в произведении особое — альтернативное — культурное пространство.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Коптева Г.Г., Новосибирское высшее военное командное училище, Новосибирск Российской Федерации
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.73.5.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Kopteva G.G., Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.73.5.1>

Список литературы / References

1. Варламов А. Купол / А. Варламов. — Москва : Эксмо, 2009. — 313 с.
2. Бурдина С.В. Альтернативное культурное пространство в современной русской прозе / С.В. Бурдина, Б.В. Кондаков, Н.А. Полякова // Орсион. — 2019. — Vol. 35. — С. 459–476.
3. Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии / А.Н. Быстрова // Философские науки. — 2004. — № 12. — С. 39–47.
4. Ван Чженху. Стратегия художественной подлинности в творчестве А.Н. Варламова / Ван Чженху // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — № 5(166). — С. 113–116.
5. Вильховский И.И. К вопросу о типологии героев «традиционной» русской прозы XX–XXI вв.: герой-интеллигент в произведениях А. Варламова «Купол» и «Здравствуй, князь!» / И.И. Вильховский // Филология и человек. — 2023. — № 2. — С. 24–28.

6. Ничипоров И.Б. Между современностью и мифом: роман Алексея Варламова «Купод» / И.Б. Ничипоров // Филология и человек. — 2022. — № 1. — С. 159–167.
7. Полякова Н.А. Культурное пространство в изображении современных пермских писателей / Н.А. Полякова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — Санкт-Петербург : Изд-во РОПРЯЛ, 2018. — № 6. — С. 830–834.
8. Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в современной русской прозе / Н.А. Полякова // Русская литература XX века в контексте литературных связей и взаимовлияний. — Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. — С. 6–7.
9. Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в современной русской литературе / Н.А. Полякова // Сборник материалов XLVIII Международной филологической научной конференции. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2019. — С. 15–20.
10. Полякова Н.А. Альтернативное культурное пространство в романе Е. Водолазкина «Авиатор» / Н.А. Полякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3(156). — С. 115–118.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Varlamov A. *Kupol* [The Dome] / A. Varlamov. — Moscow : Eksmo, 2009. — 313 p. [in Russian]
2. Burdina S.V. *Alternativnoe kul'turnoe prostranstvo v sovremennoy russkoy proze* [Alternative Cultural Space in Modern Russian Prose] / S.V. Burdina, B.V. Kondakov, N.A. Polyakova // *Opción*. — 2019. — Vol. 35. — P. 459–476. [in Russian]
3. Bystrova A.N. *Kul'turnoe prostranstvo kak predmet filosofskoy refleksii* [Cultural Space as a Subject of Philosophical Reflection] / A.N. Bystrova // *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. — 2004. — № 12. — P. 39–47. [in Russian]
4. Van Chenkhu. *Strategiya khudozhestvennoy podlinnosti v tvorchestve A.N. Varlamova* [The Strategy of Artistic Authenticity in the Works of A.N. Varlamov] / Van Chenkhu // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. — 2022. — № 5(166). — P. 113–116. [in Russian]
5. Vil'khovskiy I.I. *K voprosu o tipologii geroyev «traditsionnoy» russkoy prozy KhKh–KhKhI vv.: geroy-intelligent v proizvedeniyakh A. Varlamova «Kupol» i «Zdravstvuy, knyaz!»* [On the Typology of Heroes in "Traditional" Russian Prose of the 20th–21st Centuries: The Intelligent Hero in A. Varlamov's Works "The Dome" and "Hello, Prince!"] / I.I. Vil'khovskiy // *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. — 2023. — № 2. — P. 24–28. [in Russian]
6. Nichiporov I.B. *Mezhdu sovremennoy i mifom: roman Alekseya Varlamova «Kupod»* [Between Modernity and Myth: Alexei Varlamov's Novel "The Dome"] / I.B. Nichiporov // *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. — 2022. — № 1. — P. 159–167. [in Russian]
7. Polyakova N.A. *Kul'turnoe prostranstvo v izobrazhenii sovremennoykh permskikh pisateley* [Cultural Space in the Representation of Modern Perm Writers] / N.A. Polyakova // *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Language and Cultural Processes in Contemporary Russia]. — Saint Petersburg : ROPRYAL Publishing House, 2018. — № 6. — P. 830–834. [in Russian]
8. Polyakova N.A. *Alternativnoe kul'turnoe prostranstvo v sovremennoy russkoy proze* [Alternative Cultural Space in Modern Russian Prose] / N.A. Polyakova // *Russkaya literatura XX veka v kontekste literaturnykh svyazey i vzaimovliyanii* [Russian Literature of the 20th Century in the Context of Literary Connections and Mutual Influences]. — Moscow : MSU named M.V. Lomonosova, 2019. — P. 6–7. [in Russian]
9. Polyakova N.A. *Alternativnoe kul'turnoe prostranstvo v sovremennoy russkoy literature* [Alternative Cultural Space in Modern Russian Literature] / N.A. Polyakova // *Sbornik materialov XLVIII Mezhdunarodnoy filologicheskoy nauchnoy konferentsii* [Collection of Materials of the XLVIII International Philological Scientific Conference]. — Saint Petersburg : SPbSU, 2019. — P. 15–20. [in Russian]
10. Polyakova N.A. *Alternativnoe kul'turnoe prostranstvo v romane E. Vodolazkina «Aviator»* [Alternative Cultural Space in E. Vodolazkin's Novel "The Aviator"] / N.A. Polyakova // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. — 2021. — № 3(156). — P. 115–118. [in Russian]